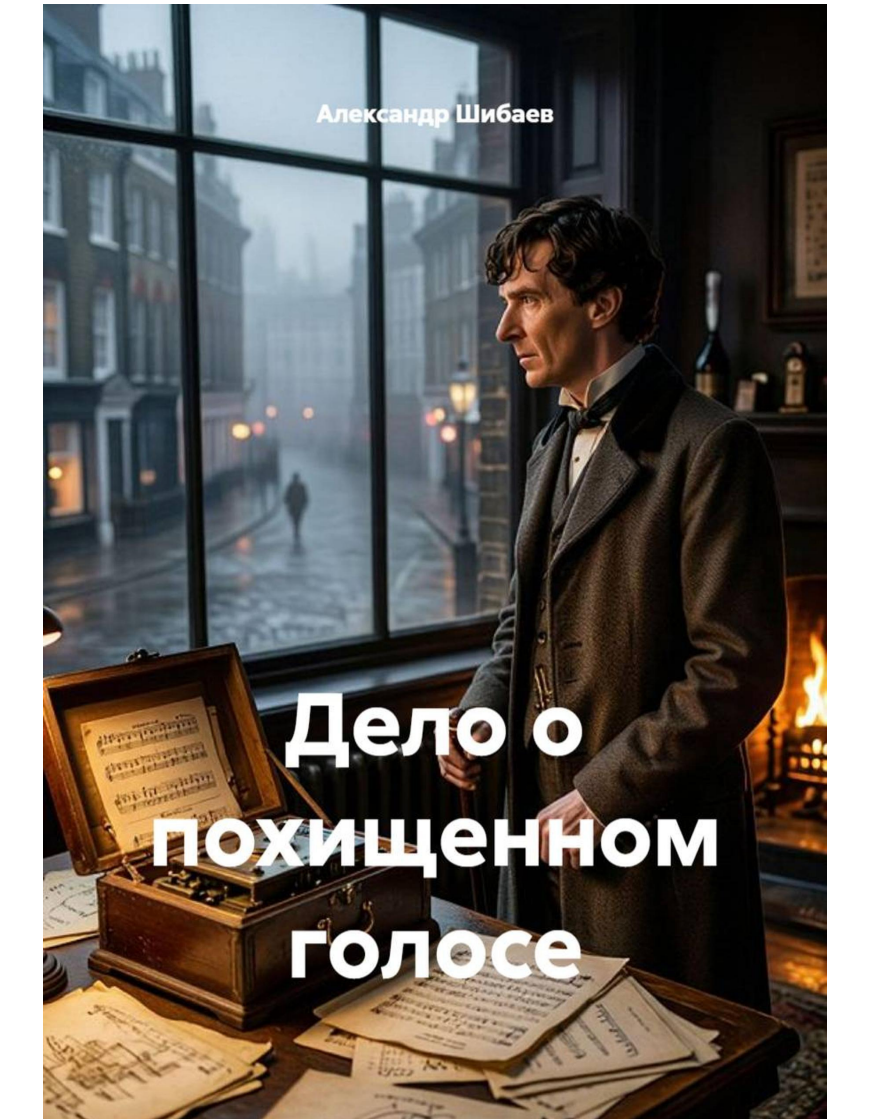

A man with dark, wavy hair, wearing a dark brown Victorian-style coat over a white shirt and dark cravat, stands in profile looking out a large window. The window shows a rainy, foggy street scene with buildings and a lone figure in the distance. In the foreground, on a wooden desk, sits an open wooden music box with sheet music inside. Several other sheets of music are scattered on the desk. A warm fire burns in a fireplace to the right.

Александр Шибает

Дело о похищенном голосе

Александр Шибает

Дело о похищенном голосе

<https://litres.ru/74606062>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лондон, 1895 год. Накануне важнейшего выступления перед королевой в Виндзорском замке великая оперная дива Елена Тоскани полностью теряет голос. Она не может издать ни звука, но самое страшное — её безупречное сопрано теперь поет внутри зловещей музыкальной шкатулки, присланной анонимом. Как можно похитить то, что нельзя потрогать?

Шерлок Холмс и доктор Ватсон берутся за расследование. Бешеная погоня на кэбах сквозь непроглядный туман приводит их в заброшенные доки Ист-Энда. Там, в глубине стального лабиринта, детективов ждет пугающая встреча с «Механической Евой» — роботом из фарфора и шелка, говорящим голосом немой примадонны. Но действительно ли за этим стоит безумный изобретатель, или за кулисами театра скрывается куда более расчетливый убийца?

Новое захватывающее дело в лучших традициях сэра Артура Конан Дойля, написанное с глубоким уважением к атмосфере и дедуктивному методу великого сыщика.

Содержание

Глава	4
Глава 1: Музыкальная шкатулка с Бейкер-стрит	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Дело о похищенном голосе

Глава

По следам Шерлока Холмса

Дело о похищенном голосе

Глава 1: Музыкальная шкатулка с Бейкер-стрит

В октябре 1895 года Лондон окутал такой густой и злоедающим туман, что временами казалось, будто весь город погрузился на дно огромного чернильного озера. В один из таких сырых четвергов мы с Шерлоком Холмсом сидели у камина в нашей гостиной на Бейкер-стрит. Мой друг пребывал в дурном расположении духа — вот уже неделю криминальный мир столицы словно вымер, не предлагая его острому уму ни одной достойной загадки. Холмс уныло переливал из пробирки в пробирку какую-то едкую жидкость, а я пытался согреться чаем, просматривая колонку происшествий в «Таймс».

Нашу тишину нарушил резкий, испуганный звонок в прихожей. Через минуту миссис Хадсон ввела в комнату джентльмена, чей вид дышал крайним отчаянием. Его дорогой цилиндр был помят, дорогое пальто расстегнуто, а глаза дико блуждали.

— Мистер Холмс! — воскликнул он с порога, заламывая руки. — Если вы не поможете, я разорен, а репутация Британской оперы будет уничтожена! Меня зовут Артур Хэдли, я директор Ковент-Гардена.

Холмс отставил пробирку, и в его глазах наконец загорел-

ся знакомый мне живой огонек.

— Присаживайтесь, мистер Хэдли, — спокойно произнес он. — Успокойтесь и расскажите, что заставило вас бежать сквозь туман, забыв застегнуть левый ботинок и потеряв по дороге одну из запонок. И, судя по всему, дело касается синьоры Элены Тоскани?

Директор театра замер на месте, уставившись на своего левого щегольского ботинка, шнурки которого действительно волочились по ковру, а затем коснулся пустой манжеты.

— Но как вы узнали о синьоре Тоскани? — прошептал мистер Хэдли, медленно опускаясь в кресло. — Об этой катастрофе не знает еще ни одна живая душа в Лондоне!

Холмс снисходительно улыбнулся, устраиваясь напротив гостя и соединив кончики пальцев.

— Простая дедукция, мой дорогой сэр. На ваших пальцах бледные следы от грима, а на лацкане — едва заметные ворсинки от бархатных театральных кулис. Музыкальный мир Лондона сейчас живет только одним событием — завтрашним выступлением великой Тоскани перед Ее Величеством. Если директор главного театра империи прибегает ко мне в таком виде, значит, под угрозой именно это событие. Ну а то, что вы забыли про обувь и запонку, говорит о панике, охватившей вас сразу после утреннего визита к приме.

Мистер Хэдли тяжело вздохнул и вытер платком вспотевший лоб.

— Вы правы, Холмс. Синьора Елена Тоскани... потеряла

голос. Полностью. Сегодня в восемь утра её горничная прибежала ко мне в слезах. Елена не может издать ни звука, даже хрипа! Врачи разводят руками. Они говорят об экзотическом ларингите, но я знаю, что дело в другом. Её голос... его похитили!

Я не удержался от ироничной улыбки.

— Полноте, мистер Хэдли, — вмешался я. — Голос — это не фамильное серебро. Его нельзя вытащить из кармана или запереть в сундук. Это физиологический процесс.

— О, доктор Ватсон, я бы и сам посчитал себя сумасшедшим, если бы не это, — директор театра дрожащими руками достал из глубокого кармана пальто продолговатый предмет, завернутый в шелковый платок, и бережно опустил его на столик перед нами.

Когда шелк соскользнул, мы увидели изумительной красоты шкатулку из черного эбенового дерева. Она была украшена изящной серебряной инкрустацией в виде переплетенных плющом нотных знаков. На крышке не было замочной скважины — лишь маленькая серебряная кнопка в центре цветка.

— Это принесли синьоре вчера вечером, прямо в её люкс в отеле «Савой», — тихим голосом продолжил Хэдли. — Посыльный был в ливрее, но без знаков отличия. Он просто передал коробку и исчез. Елена открыла её в моем присутствии. Стоило ей нажать на этот цветок...

Мистер Хэдли не договорил. Он протянул руку и реши-

тельно нажал на серебряную кнопку.

Внутри шкатулки что-то негромко щелкнуло. Раздалось мягкое шуршание скрытого механизма, а затем из недр деревянного короба полилась музыка. Это была знаменитая ария Каватина Нормы. Но поразило нас не это. Спустя секунду к инструментальному вступлению присоединился женский голос — сопрано невероятной, божественной чистоты.

Я буквально застыл с чашкой чая в руке. Звук не был похож на металлический, царапающий скрежет фонографов мистера Эдисона. Голос звучал объёмно, живо, со всеми характерными интонациями и мимолетными вздохами, которые были присущи только одной женщине в мире.

— Боже мой... — прошептал я. — Это же Тоскани. Но как?

— В том-то и дело, доктор! — воскликнул Хэдли, и в его голосе послышался ужас. — Элена никогда, слышите, никогда не соглашалась записывать свой голос! Она считала эти машины дьявольским изобретением, крадущим душу певца. Но эта шкатулка поет её голосом. Хуже того: как только мелодия смолкла вчера вечером, Элена схватилась за горло. Она пожаловалась на странный сладковатый запах, исходивший из шкатулки, и на внезапную сухость. А утром... её связки словно парализовало.

Мелодия внутри шкатулки подошла к концу. Раздался тихий звон, похожий на погребальный набат, и крышка сама собой захлопнулась.

Шерлок Холмс, который до этого сидел неподвижно, резко подался вперед. Его глаза лихорадочно блеснули. Он не прикоснулся к шкатулке голыми руками, а аккуратно, с помощью каминных щипцов, подтянул её к себе и глубоко вдохнул воздух над эбеновой крышкой.

— Горький миндаль... и едва уловимый оттенок болотного вереска, — пробормотал Холмс, и на его губах заиграла опасная улыбка, которую я так хорошо знал. — Загадка становится восхитительной, Ватсон. Мы имеем дело не с мистикой, а с чрезвычайно тонким, расчетливым умом и... редким химическим составом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.